

И говорили *горячо* о том,
 Что движемся мы быстро с каждым часом
 И *дурно*, к сожаленью, в нас одно,
 Что *небрежем* отечественным квасом
 И любим *иностранное* вино.

(Т. 1. С. 29)

Отчетливо в «Новостях» представлен аспект экзистенциально-духовный («остался некто без пяти в червях, *Хоть* — знают все — *играет он не худо*», «но я *Отвык*, к несчастью, *тешиться мечтами*, И мне ее не жалко... — Любезник и танцор, Гремящий саблей, статный и высокий — *Таков был пансионный идеал* Моей девицы...», «и в действии пустом кипящий ум *Суров и сух, а сердце глухо дремлет*»).

Нащупывается Некрасовым здесь уже и *метафизически-бытийный* аспект проблематики: «Что ж! *распорядился Иначе* случай...», —

Затем что наши русские *мотивы*,
 Как наша жизнь, и *бедны*, и *сонливы*,
 И *тяжело* однообразие их,
 Как вид *степей пустынных* и *нагих*.

(Т. 1. С. 26)

Средины нет меж полькой и могилой!..
 Твоим *порывам смелым* и *живым*
 Такое нужно *поприще*, *не боле...*

(Т. 1. С. 30)

Разумеется, весьма существенно само устройство образной «призмы» в этих столь разнящихся (хотя внутренне и взаимосвязанных) аспектах некрасовской проблематики.

В первую очередь показателен способ ее представления в творчестве поэта. Для Некрасова человек воистину оказался «мерой всех вещей»: это и социальная единица, и духовная целостность, и вершитель деяния, и выразитель личностного сознания. Поэтому и мир для Некрасова становится лишь ареной жизнедеятельности неких *персоналий*, будь то ямщик, огородник, девушка-крестьянка, помещик, беспринципный журналист, забытый друзьями литератор, гибнущая на сцене актриса, крестьянские дети, солдатская мать и т. д. А с другой стороны — выразители обобщенно-типического отношения к жизни и ценностям: «нравственный человек», «филантроп», обжора-«труженик», опустивший руки «поэт» и ораторствующий «гражданин», «влюбленный», «школьник», «убогая» и «нарядная», «папаша», «сыны „народного бича”», «муж» и «жена», «праздный юноша». Любые жизненные закономерности являют себя у Некрасова прежде всего через поступки личностей (или уклонение «не личностей» от ответственных деяний). Этот подход Некрасова к художественному изображению действительности мы определим как *персонологический*.

Следствием такого подхода становится специфически некрасовская картина мироздания, обнаруживающая свою антропологическую природу. В центр мира Некрасовым выдвинута человеческая личность. Все существующее, происходящее получает смысл, только вступив в известные отношения с человеческим «я», только став обстоятельством, этапом, причиной, вектором его судьбы или предметом его восприятия, переживания, размышления. Поэтому в качестве интегральной и универсальной семантической